

На правах рукописи

УДК 398:882-3:93

КРИНИЧНАЯ НЕОНИЛА АРТЕМОВНА

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА:

ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА И СТРУКТУРЫ

Специальность - 10.01.09 фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

147519K

РАБОТА ВЫПОЛНЕНА В ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ
И ИСТОРИИ КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА АН СССР.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ: ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Б.Н.ЛУТИЛОВ

ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

А.К.МИКУШЕВ

ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

А.С.ФЕДОСИК

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ – ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕН-
НЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ.О.В.КУУ-
СИНЕНА

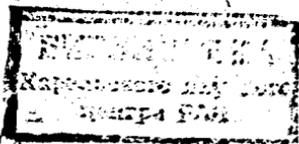
ЗАЩИТА СОСТОИТСЯ "11" *ноября*..... 1991 ГОДА
В 14.00 ЧАС. НА ЗАСЕДАНИИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО СОВЕТА
Д.002.43.02 ПО ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ
СТЕПЕНИ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК В ИНСТИТУТЕ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКОМ ДОМЕ) АН СССР ПО
АДРЕСУ: 199034, ЛЕНИНГРАД, НАБ.МАКАРОВА, Д.4.

С ДИССЕРТАЦИЕЙ МОЖНО ОЗНАКОМИТЬСЯ В ЧИТАЛЬНОМ
ЗАЛЕ ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

147519K

АВТОРЕФЕРАТ РАЗОСЛАН "....." ..... 1991 ГОДА.

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО СОВЕТА
КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК

В.К.ПЕТУХОВ

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Планомерное изучение русской народной исторической прозы, или преданий, в отличие от других жанров фольклора, ведется сравнительно недавно, с 60-х годов текущего столетия. С дифференциацией предания в качестве самостоятельного и равноправного жанра перед исследователями прежде всего встала источниковедческая проблема, поскольку ни одного классического собрания преданий, подобного тем, которые были составлены по другим жанрам, в распоряжении фольклористов не имелось. Фиксация текстов в полевых условиях, выявление архивных материалов и разрозненных публикаций, текстологическая проверка их на подлинность сохранили свою актуальность и для диссертанта.

Потребовала решения и проблема, связанная с выделением предания из общей системы фольклора, и прежде всего из не-сказочной прозы (*die Sage*). Заслуга в ее разработке принадлежит В.Я. Проппу¹, С.Н. Азбелеву², К.В. Чистову³, В.К. Соколовой⁴, другим ученым. Однако проблема дифференциации не-

---

¹ Пропп В.Я. 1) Легенда // Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1955. Т. 2. Кн. 1. С. 378; 2) Фольклор и действительность: Избр. ст. / Сост., ред., предисл. и примеч. Б.Н. Путилова. М., 1976. С. 43, 50-52.

² Азбелев С.Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965. С. 12-13.

³ Чистов К.В. 1) Русские народные социально-утопические легенды ХУП-ХІХ вв. М., 1967. С. 6; 2) О сюжетном составе русских народных преданий и легенд: (Методологические вопросы) // История, культура, фольклор и этнография славянских народов: УІ Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1968. С. 318-335.

⁴ Соколова В.К. Русские исторические предания. М., 1970. С. 252, 284 и др.

сказочной прозы, и в частности отношения ее жанров к действительности, решается исследователями по-разному, что обуславливает необходимость дополнительного рассмотрения этой проблемы.

Дальнейшая работа в изучении преданий была направлена на их систематизацию. Свои варианты классификации текстов предложили на общерусском материале В.К. Соколова⁵, на региональном (восточносибирском, уральском) – Л.Е. Элиасов⁶, А.И. Лазарев⁷, В.П. Кругляшова⁸. Систематизация преданий по циклам или группам, выделенными названными авторами на основе тематического принципа, корректируется диссертантом за счет использования устойчивой "единицы измерения" фольклорных текстов – мотива. Это позволяет осуществить более гибкую и последовательную систематизацию общерусского материала.

Отдавая должное предшественникам в анализе основных сюжетов и тематических групп с некоторым выходом на типологические параллели, в соотнесении произведений с историческими событиями, а фольклорных персонажей, имеющих свои прототипы, – с историческими лицами, в оценке преданий как художественного явления, диссертант отмечает, что решение ряда проблем, актуальных для современной науки, оказалось за пределами либо на периферии данных исследований. С одной стороны, это проблемы, касающиеся семантики фольклорных явлений. В числе их историко-этнографические истоки отдельных сюжетов и целых циклов, равно как и соотношение преданий с

---

⁵ Там же. См. также: Соколова В.К. О некоторых типах исторических преданий: (К проблеме их жанрового своеобразия) // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. С. 248–273.

⁶ Элиасов Л.Е. Русский фольклор Восточной Сибири: Народные предания. Улан-Удэ, 1960. Ч. 2. С. 23–25.

⁷ Лазарев А.И. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970. С. 67.

⁸ Кругляшова В.П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974. С. 18–19.

обрядами и верованиями; проявления изначального синкретизма жанров (в частности эпических) и дальнейшего межжанрового взаимодействия; эволюция сюжетов и образов, обнаруживающаяся в их трансформациях, переосмыслениях и модификациях; типология сюжетов, прослеживаемая на фоне широкого сопоставительного материала; развитие исторического сознания, наблюдаемое на основе рассмотрения преданий, бытующих в фольклорной традиции от самых ее истоков до наших дней. С другой стороны, проблемы, связанные с формально-грамматической характеристикой предания как отдельно взятого текста и как определенной жанровой системы, представленной совокупностью текстов: определение основных "единиц измерения" (по своему функциональному назначению эти "единицы" могут быть приравнены к "алфавиту" жанра и - шире - всего фольклора, выходя за его пределы); выявление важнейших компонентов (мотивов) предания, произведенное в соответствии с определенными "единицами измерения"; изучение "механизма" взаимодействия мотивов; рассмотрение структуры жанра и ее истоков. Результатом исследований, предпринятых в обоих направлениях, служит раскрытие генезиса предания как определенной жанровой системы, имеющей свои историко-этнографические корни и в плане семантики, и в плане структуры.

Методология и методика. Методологической основой исследования послужили достижения общечеловеческой философской мысли о всеединстве как родстве и связности всего сущего, о диалектике как учении, выявляющем универсальную связь, становление и развитие, о внутреннем источнике этого развития, о соотношении человека, общества и природы и т.д. Общетеоретической базой исследования являются труды ученых, определивших структурно-типологическое и историко-генетическое направление в фольклористике (А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа, Б.Н. Путилова, Е.М. Мелетинского), а также работы предшественников в области изучения русской народной мифологической и исторической прозы (К.В. Чистова, В.К. Соколовой, Э.В. Померанцевой, В.П. Кругляшовой и других). В диссертации используется совокупность методов: метод полевых исследований, этнографизма, комплексного историко-культурного анализа, равно как и структурно-типологический, сравнитель-

но-исторический, палеонтологический, лингвистический.

Материалы исследования. Материалом диссертации послужили тексты, записанные автором в результате семи экспедиционных выездов в 60-70-х годах на территории Карельской АССР, Архангельской и Вологодской обл., а также извлеченные им из архивов (Архива Карельского научного центра АН СССР, Государственного архива Архангельской обл., Архива Всесоюзного географического общества), из периодической - в основном дореволюционной - печати, краеведческой литературы, сборников, включающих в себя произведения различных фольклорных жанров. Прошедшие текстологический анализ материалы помещены отчасти в опубликованном диссертантом сборнике "Северные предания: (Беломорско-Обонежский регион)". Л.: Наука, 1978, отчасти в подготовленном им же и включенном в план выпуска издательством "Наука" на 1991 г. сборнике "Предания Русского Севера". Хотя за основу взяты произведения, бытующие именно в этом регионе, где, как известно, в концентрированном виде законсервировались характерные признаки общерусской народной культуры, объектом исследования послужили и материалы, зафиксированные в других локальных традициях. Избранные произведения, принадлежащие общерусской народной исторической и мифологической прозе, опубликованы диссертантом в книге "Легенды. Предания. Бывальщины". М.: Современник, 1989. Разумеется, материал диссертации шире опубликованного в названных книгах. В качестве сопоставительного материала с целью выявления различных стадий в развитии жанра используются как ранние письменные источники, так и предания народов Сибири и Крайнего Севера.

Научная новизна. Это первое исследование генезиса и структуры предания как определенной жанровой системы. Здесь впервые раскрывается историко-этнографическая основа отдельных сюжетов и целых циклов. В конечном счете выявляется генезис жанра, уходящего своими корнями в миф и обряд. В работе впервые рассматриваются основные структурные компоненты русской народной исторической прозы, выделенные диссертантом по единому принципу в соответствии с его определением мотива как устойчивой "единицы измерения" фольклорных текстов. В результате очерчивается структура предания, восходя-

чая к соответствующему архетипу, сформировавшемуся в недрах мифологии. Вносятся коррективы и в классификацию произведений, и в трактовку понятия "цикл". По сравнению с систематизацией, предложенной В.К. Соколовой в книге "Русские исторические предания" (эта монография наиболее близка диссертации и по теме, и по объекту исследования), разработанная автором классификация отличается выделением новых и вместе с тем расширением либо, наоборот, сужением ранее очерченных рубрик. Речь идет о введении диссертантом в научный обиход дополнительных циклов (о заселении и освоении края; об аборигенах; о "панах"; о великанах, богатырях, сидачах; о раскольниках) и расширении цикла преданий о разбойниках за счет включения в него текстов, повествующих не только о "благородных", но и о разбойниках в собственном смысле слова. В то же время предлагаемая диссертантом систематизация значительно сужена: предания об Иване Грозном, Петре Первом, Ермаке, Разине, Пугачеве представлены как один цикл — об исторических лицах, поскольку они состоят преимущественно из одних и тех же мотивов. Диссертантом в отличие от предшественников не выделена в качестве самостоятельной сюжетно-тематической группы "ранние исторические предания": таковые есть в каждом цикле. В диссертации впервые отмечается взаимопроницаемость циклов (в известной степени и жанров), доказывается общность их истоков.

В настоящей работе впервые проводится типологическое исследование преданий, осуществляемое на синхронном и диахронном уровнях.

Теоретическая значимость. В диссертации уточняются принципы дифференциации преданий от смежных жанров народной несказочной прозы (быличек и легенд). Открывается путь систематизации преданий не по сюжетно-тематическому принципу, на котором основывается, в частности, общеевропейская классификация народной несказочной прозы, а по структурно-типологическому, т.е. по мотивам, которые, комбинируясь в различных сочетаниях, образуют многочисленные сюжеты либо перерастают в них. В работе дано определение мотива, в соответствии с которым выделяются и анализируются важнейшие компоненты предания, т.е. составлен своего рода реестр мотивов. Раск-

рыто понятие цикла; выявлены основные циклы русской народной исторической прозы; уточнен их состав. В рамках фольклорно-этнографического изучения каждого из циклов очерчена определенная концепция, которая может быть использована при рассмотрении соответствующего материала, принадлежащего тем или иным локальным и этнокультурным традициям. Решаются проблемы соотношения предания и действительности: выявляется историко-этнографическая основа циклов, типов, сюжетов, мотивов; прослеживается их эволюция, детерминированность конкретными историческими обстоятельствами; выясняются условия, которые способствуют активному бытованию или, наоборот, исчезновению из традиции того или иного мотива (сюжета).

Теоретическая значимость работы заключается и в том, что в ней выявлен генезис жанра: истоки предания диссертант видит в мифе о первопредке-родоначальнике и его антагонисте. Через анализ одного из жанров раскрываются закономерности развития общего фольклорного процесса от его истоков до наших дней, прежде всего несказочной прозы. Эволюция предания рассматривается как частное проявление определенных универсальных закономерностей, распространяющихся на всю систему фольклорных жанров.

Практическое значение. Диссертация может быть использована при разработке общих теоретических проблем, связанных с происхождением и бытованием народного искусства, с историей религии (языческих и христианских обрядов, верований, представлений), с развитием общественного сознания, с самим человеком, рассматриваемым в его соотношении с природой и обществом.

В диссертации предлагается такая "единица измерения" фольклорных текстов, применив которую, исследователи получают возможность оперировать сопоставимыми категориями, совместными усилиями решая на разном (в жанровом, локальном, этническом отношении) материале общие теоретические и практические задачи.

В настоящей монографии укрепляется равноправное положение предания в системе других, традиционно признанных жанров фольклора. Работа может быть использована при чтении соответствующего раздела в курсе лекций по фольклору и спецкурсов

на филологических, а в определенном аспекте и на исторических факультетах вузов.

Апробация исследования. Диссертация представляет собой опубликованную монографию "Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры". Л.:Наука, 1987. Ее содержание предварено, продолжено и развито в книгах "Северные предания: (Беломорско-Обонежский регион)". Л.:Наука, 1978, "Персонажи преданий: становление и эволюция образа". Л.:Наука, 1988, "Легенды. Предания. Бывальщины". М.:Современник, 1989, в "Указателе типов, мотивов и основных элементов преданий". Петрозаводск: КНЦ АН СССР, 1990. Основные положения диссертации апробированы также более чем в 40 статьях и тезисах докладов, в выступлениях: на советско-финском симпозиуме, пленарном заседании (Финляндия, Двяскуля, 1982), на VI Международном конгрессе финно-угроведов (Сыктывкар, 1985), на всесоюзных научных конференциях (Душанбе, 1976; Ленинград, 1979; Сыктывкар, 1979; Ижевск, 1987; Сыктывкар, 1990); на всесоюзных симпозиумах и совещаниях (Ужгород, 1977; Свердловск, 1984; Сыктывкар, 1988); на региональных конференциях (Апатиты, 1977; Архангельск, 1984); на местных конференциях (Петрозаводск, 1970, 1977, 1981, 1985); на симпозиуме в рамках республиканской научно-практической конференции (Петрозаводск, 1989), на Чтениях Пропповских (Ленинград, 1980, 1985), по истории литературы и культуры Древней Руси (Петрозаводск, 1975, 1982).

Структура диссертации. Монография состоит из трех частей: введения, основной части, содержащей девять разделов, и заключения. Библиография приводится в сносках. Объем диссертации: 16,73 уч.-изд. л., 227 с.

Содержание работы

Во введении "О жанровой специфике русской народной исторической прозы и проблемах ее изучения" рассматриваются вопросы, связанные с принципами систематизации несказочной прозы (die Sage) и дифференциации из нее преданий. Здесь выявляется степень их изученности в предлагаемых аспектах, определяются "единицы измерения" произведений, относящихся

к данному жанру, обосновываются проблемы исследования, характеризуются его материал и методы.

Имея установку на действительность, предание, быличка, легенда проецируются на различные аспекты общественного бытия и – соответственно – имеют различные социальные функции. Предания заключают в себе совокупность исторических сведений, освоенных фольклорной традицией. Это неотъемлемая часть исторического фольклора, обращенного к социально-общественной жизни коллектива⁹. Однако критерий историзма, само мышление являются в свою очередь категориями историческими. На раннем этапе развития общественного сознания историческое освоение мира находится в синкретическом единстве с мифологическим. Мифология – не только способ видения, восприятия реальных фактов, но и способ их отражения. Это не исключает некоторого проникновения даже в архаические предания предметно-событийных фактов объективно существующей, эмпирически освоенной действительности. По мере постижения законов природы и общества мифологический способ мышления постепенно сдает свои позиции, хотя при определенных условиях возможны те или иные его рецидивы.

Благодаря мифологическому характеру раннеисторических представлений предание в своих истоках сливается с другими протосэпическими формами, которые также сложились на почве мифологии. Следы их бывшего синкретизма обнаруживаются в общности мотивов, сюжетных коллизий, равно как и в общности их этнографического субстрата. Подобно другим жанрам исторического фольклора, предание отражает свой аспект социально-общественной жизни коллектива. В отличие от былины, исторической или солдатской песен, ориентированных на события общерусского масштаба, предание носит локальный характер: отражает события местной истории.

Если за многими другими жанрами закрепляется и в известном смысле консервируется преимущественно тот или иной способ изображения действительности, то предание в равной степени владеет и мифологическим (на раннем этапе его фор-

---

⁹ Путилов Б.Н. Типология фольклорного историзма // Типология народного эпоса. М., 1975. С. 164.

мирования), и конкретно-историческим (на поздней стадии его развития) способами, что, с одной стороны, открывает доступ реалий в структуру текста, а с другой – не исключает элементов ремифологизации. Основываясь на мифе, предание сопутствует как былине, так и сменяющим ее и друг друга исторической, солдатской песням.

Установка преданий на определенный аспект общественного бытия обуславливает не только содержание, но и структуру жанра. Своеобразие структуры – один из важнейших его признаков. Лишь располагая достаточно надежными сведениями о структурном составе преданий, можно судить о том, что они собой представляют как единая жанровая система.

Целенаправленными усилиями ученых (В.К. Соколовой, Л.Е. Элиасова, А.И. Лазарева, В.П. Кругляшовой) в значительной степени выявлен сюжетно-тематический состав русской народной исторической прозы. Однако, рассмотрев варианты классификации преданий, выработанные отечественной фольклористикой, диссертант устанавливает, что единой общепринятой систематизации данного материала фактически нет. И это не случайно: в основу классификации был положен тематический принцип, которым и обусловлен разноречивый в определении рубрик. На таком же принципе построена и общеевропейская систематизация сказочной, в том числе исторической, прозы, проект которой был предложен на Международном Будапештском совещании (1963 г.) Комиссии по сказочной прозе и скорректирован на УП Международном конгрессе антропологов и этнографов (Москва, 1964 г.).

Распределение текстов, по мнению диссертанта, целесообразнее вести не по тематическим группам, а по циклам, причем под циклом понимается концентрация тех или иных мотивов, отражающих в своей совокупности определенный аспект исторической действительности и находящихся между собой в специфическом единстве и взаимодействии.

Следующий уровень структуры предания как жанра представляют его сюжеты, начало выявления, систематизации и изучения которых положено названными фольклористами. При рассмотрении произведений, воплощающих в себе тот или иной сюжет, раскрываются их реалии и историческая основа, что позволяет соот-

нести конкретный текст с определенной эпохой.

Сюжеты же в свою очередь сами являются сложными структурными образованиями. Еще А.Н. Веселовский понимал сюжет как комплекс мотивов. Причем один и тот же мотив может входить в состав различных сюжетов. Отсюда, по утверждению В.Я. Проппа, вытекает необходимость изучать жанр не столько по сюжетам, сколько по мотивам.

Первое в отечественной фольклористике определение мотива принадлежит А.Н. Веселовскому: "Под мотивом я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения"¹⁰. При этом отмечается известная устойчивость данной "повествовательной единицы", некогда тяготевшей к формуле. Развивая учение А.Н. Веселовского, В.Я. Пропп выясняет на материале сказки, что мотив разлагается на элементы, из которых каждый в отдельности может варьировать¹¹. Конкретизируя высказывания В.Я. Проппа, диссертант утверждает, что мотив составляют следующие элементы: субъект – центральный персонаж; объект, на который направлено действие; само действие (функция) или состояние; обстоятельства действия или состояния, определяющие их локально-временные рамки и способ исполнения. (Имеются в виду повествовательные элементы). Причем роль различных элементов в структуре мотива не одинакова: основополагающим оказывается действие, что подтверждается и данными лингвистики: "сказуемое – это важнейший конструктивный элемент двусоставного предложения, являющийся главным носителем предикативности и тем самым организующий предложение"¹².

Мотив как "единица измерения" используется при рассмотрении структуры предания, которая служит важным признаком

---

¹⁰ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 500.

¹¹ Пропп В.Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969. С. 18.

¹² Тарланов З.К. Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1981. С. 51.

жанра, являясь одновременно ключом к раскрытию его генезиса. Задача исследования – с помощью метода структурного анализа, используемого применительно к преданиям, выявить основной круг мотивов в системе названного жанра, определить особенности структуры, закономерности ее возникновения, бытования и развития в русской народной исторической прозе, а также (с известными коррективами) в соответствующих произведениях, принадлежащих другим этнокультурным традициям. Конечная цель – раскрыть генетические истоки отдельных мотивов, сюжетов и жанровой системы предания в целом.

Решение этих задач начинается с составления реестра мотивов. Правильность вычленения компонентов предания определяется их повторяемостью на синхронном и диахронном уровнях. Любой мотив наиболее активно функционирует в рамках определенного цикла, хотя может выходить за пределы не только цикла, но и жанра. Наконец, он фигурирует в преданиях, принадлежащих различным локальным и этнокультурным традициям, входя в своего рода интернациональный арсенал мотивов. Правильность вычленения компонента проверяется не только по горизонтальному, но и по вертикальному срезу. При этом ранние мотивы реконструируются на основе соответствующих дошедших до нас письменных источников. Данной цели служат и поздние записи, подвергнутые палеонтологическому изучению. Реконструкция мотива осуществима и посредством сравнительно-исторического, структурно-типологического анализа фольклорных произведений. Во всех случаях необходимо установить сходство там, где оно на самом деле имеется, хотя на первый взгляд незаметно, и, наоборот, раскрыть различие в кажущемся внешнем сходстве.

Конкретные реализации того или иного мотива можно практически свести к обобщенному выражению, к некоей "обобщенной тематической конфигурации" (А. Дандес) и вместе с тем к модели, по "образцу" которой они осуществляются. Структура мотива обладает способностью впитывать в себя содержание, отвечающее любому социально-временному периоду, чем обеспечивается сохранение ее субстанции в различных исторических условиях, на разных этапах ее реализации. Процесс развития и трансформации мотива отнюдь не прямолинеен. Так, например,

не исключаются случаи, когда при неких обстоятельствах освобожденная от мифем структура вновь оказывается открытой для их возвращения. В целом же предания могут сохранять следы различных эпох, закрепленные традицией в процессе многовекового бытования произведений народной исторической прозы. Собственно исторический слой этой жанровой системы (различного рода реалии) рассматривался диссертантом в сборнике "Северные предания: (Беломорско-Обонежский регион)", отчасти в сборнике "Легенды. Предания. Бывальдины".

В основной части под общим названием "Структурный состав и генетические истоки русской народной исторической прозы", в первом разделе, рассматриваются предания о заселении и освоении края. Этот цикл изучается преимущественно на материале одного региона, поскольку для анализа входящих в него преданий, и прежде всего рассмотрения реалий, требуется знание конкретных социально-экономических и исторических условий (таким регионом является для диссертанта Русский Север). Структура же цикла типична для народной исторической прозы в целом, независимо от его принадлежности к той или иной локальной и этнокультурной традиции.

Цикл преданий о заселении и освоении края воспроизводит сравнительно небольшое разнообразие однотипных ситуаций. Одна из них заключена в мотиве основания соседних селений братьями. Этот мотив имеет аналогии в древнерусском летописном предании об основании Киева, в античном — об основании Рима, равно как и в традиции народов Сибири и Крайнего Севера (например, в якутской). Благоприятную почву для бытования преданий о братьях — основателях селений создавало сохранение рудиментов родовых отношений, заселение территории родственными коллективами — патронимиями, распад большой патриархальной семьи. Структура мотива в зависимости от конкретных взаимосвязанных исторических условий смогла наполняться до некоторой степени различным содержанием, что послужило живучести мотива в целом.

Такой же по своей природе мотив основания двух однодворных починков соседями-первопоселенцами. Будучи приблизительно синхронным мотиву основания соседних селений братьями.

он сохранялся в условиях длительного преобладания однодворных деревень, а затем разбросанно-хуторского типа расселения.

Подобными социально-экономическими условиями порожден и мотив основания селения одним первопоселенцем. В соответствии с переосмыслением характера центрального персонажа меняется вся поэтическая система преданий, основанных на этом мотиве, претерпевая эволюцию от обобщенно-мифологического и обобщенно-эпического до конкретно-исторического изображения действительности.

Более поздний период развития русской народной исторической прозы характеризуется, с одной стороны, наличием традиционных мотивов, вырастающих из старой поэтической системы. Древние по происхождению, претерпевшие определенную трансформацию и приспособившиеся к сложившимся условиям, они стали отвечать историко-эстетическим вкусам и запросам общества на иных этапах его развития. С другой стороны, этот период закономерно ознаменован возникновением новых, обусловленных временем мотивов, которые, однако же, в ряде случаев соотносятся с прежней поэтической системой, подчас сохраняя ее рудименты.

К числу вновь сформировавшихся относится мотив основания селения группой первопоселенцев, связанных между собой различного рода социальными отношениями. Само изображение многих действующих лиц — сравнительно позднее завоевание эпоса в широком значении этого понятия. Предания, основанные на подобном мотиве, отразили и различные этапы новгородской колонизации Севера, и факты бегства сюда старообрядцев, позднее дезертиров из царской армии, спасающихся от преследования правительства.

Порожден новым временем и мотив основания многих селений, пространственно-временные координаты которых очерчиваются достаточно реалистически. Показателем новизны является в первую очередь освобождение преданий от эмпирического, опредмеченного восприятия пространственно-временных отношений, характерного для средневековья. Осознание хронологической последовательности возникновения деревень распространяется даже на произведения, сохраняющие рудименты архаических преданий, в которых время статично.

На позднем этапе бытования русской народной исторической прозы формируется также мотив возникновения нового поселения в системе уже сложившихся.

Предания, в которых сюжетобразующим является тот или иной новый мотив, обнаруживают устойчивую тенденцию к освобождению от традиционной условности, к конкретизации, проявляющейся в различного рода реалиях — исторических, этнографических, локальных. Стремлением к конкретизации обусловлен и характер изображения героя, и содержание мотивов (количество их в системе преданий заметно увеличивается), и способ стыковки их между собой, и расстановка объектов изображения во времени и пространстве, и т.д. Все это признаки новой эстетической системы. Не следует, однако, забывать, что возможность появления качественно новых произведений подготавливалась предыдущим развитием русской народной исторической прозы.

К циклу преданий о заселении и освоении края относятся и предания о выборе места для поселения или для сооружения культового объекта. Наиболее устойчивым в их структуре является мотив выбора места посредством языческого обряда.

При сопоставлении русских преданий с соответствующими произведениями, принадлежащими более архаическим этнокультурным традициям, а также с ранними письменными источниками: библейскими сказаниями, античной мифологией, древнеисландскими сагами, летописными свидетельствами выясняется, что атрибутами обряда, языческого по своему происхождению, первоначально могли быть зеленая трава, дерево, модификациями которого являются бревно, строевой лес, священные столбы с изображением языческого божества, палладий, идол, икона, а в ряде случаев камень и его эквиваленты.

Для достижения цели, по древним верованиям, недостаточно было заручиться поддержкой лишь каких-либо одних духов. Мифологическое мышление оперирует тождествами, и потому деревянный атрибут, фигурирующий в обряде в том или ином виде, предоставлялся воле воды, культ которой занимал важное место в системе языческих представлений, или священного животного (чаще лошади, коровы). Впрочем, каждый из атрибутов либо их дублеров может маркировать место для поселения либо

основания культового объекта и сам по себе, без какого-либо функционального эквивалента. Истоки этого мотива в анимистических и тотемистических представлениях: не случайно в преданиях обряд выбора места для поселения или сооружения культового объекта нередко сочетается с обрядом жертвоприношения. По мере того как ослабевает вера в силу подобного ритуала, претерпевает трансформацию и сам мотив. Он, как и нередко сопутствующий ему мотив неудачного выбора, все чаще вытесняется мотивом выбора места по принципу удобства расположения и богатства промысловыми угодьями. На позднем этапе развития русской народной исторической прозы, в значительной мере преодолевшей былую обусловленность мифологическим мировосприятием, на первый план выдвигаются соображения сугубо практического характера, которые, однако, меняются в зависимости от определенных социально-экономических и исторических обстоятельств.

К преданиям об основании селений и культовых сооружений примыкают предания о строительстве города, городской стены, крепости, замка, о постройке башни, моста, мельницы и т.д. Этот сюжет служит ярким проявлением межжанрового синкретизма, что предопределяет суждение об его архаичности. На материале, который обнаруживается в фольклоре практически всех народов, выясняется, что он заключает в себе два основных мотива: исчезновение, разрушение возводимых стен или же бездействие построенного сооружения; принесение человеческой жертвы. Как сюжетобразующие оба мотива далеко не равноценны. В том случае, если отсутствует первый мотив, логика действий строителей, приносящих человеческую жертву, в рамках того или иного предания (а не всего замысла!) остается нераскрытой. Однако само произведение не только не разрушается, но достигает наивысшего драматизма. Если же отсутствует второй мотив и он даже не предполагается, сюжет разрушается.

В основе данного фольклорного замысла лежит определенный этнографический субстрат. Согласно древним верованиям, сооружение наделяется теми же особенностями жизненного процесса и потустороннего существования, какими обладает и сам человек. И если человек обретает душу лишь после исполнения

соответствующего обряда (в христианстве это крещение), то и возводимое сооружение заполучает собственного духа (душу) лишь в результате совершения обряда жертвоприношения. Этот сакральный акт осмысливается как средство заполучения духа строением, которое подчас само требует "человеческую душу" и не разрушается или же начинает функционировать благодаря ее обретению. По древним представлениям, сооружение наследует все те качества, которыми при жизни обладала жертва. Вот почему наделение жертвы самыми высокими физическими и нравственными качествами вызвано не одной только ее идеализацией. В поздних произведениях обряд жертвоприношения претерпевает значительную трансформацию: из священного и необходимого действия он в силу утраты прежних верований превращается в бессмысленное человекоубийство. Соответственно снижается и образ самой жертвы: ею теперь оказывается лицо социально обездоленное, беззащитное. Его гибель воспринимается как проявление социальной несправедливости. И в этом особый драматизм переданной в эпических произведениях ситуации. С появлением заместительной "строительной жертвы" этот драматизм утрачивается. С его утратой заканчивается и продуктивный период в развитии данного сюжета.

Предания о крестьянской колонизации значительно преобладают над преданиями о захвате земель светскими и духовными феодалами. Тем не менее последние присутствуют в фольклорной традиции. Освещение в них событий подано сквозь призму крестьянского восприятия. Наиболее характерен для этих произведений мотив появления феодала ("князя", "боярина", "помещика" и т.п.), который нередко сопровождается мотивом запустения феодального поместья, детерминированным определенными социально-экономическими и историческими условиями. Эти предания, наполненные различного рода реалиями, не приобрели столь же устойчивой структуры, какую имеют архаические по происхождению и обобщенные по своему характеру другие произведения рассматриваемого цикла.

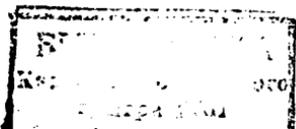
Структуру преданий о монастырской колонизации земель определяют преимущественно два взаимодействующих мотива: монастырская колонизация и ответная реакция на нее местного населения. В подавляющем большинстве случаев оба мотива,

равно как и мотивы преданий о захвате земель феодалами, соотносятся между собой как действие и его результат, и подобная взаимосвязь сохраняется на всем протяжении бытования этих преданий.

Мотив происхождения географического названия сложился в рамках цикла о заселении и освоении края, где он иногда играет сюжетобразующую роль, но чаще занимает периферийное положение. В отличие от других равноправных с ним мотивов он получил в научном обиходе собственное название — топонимический. Этот мотив является одним из способов выражения локальной приуроченности предания, что служит его неотъемлемым жанровым признаком.

Топонимический мотив имеет различные версии. Одна из них — происхождение географического названия от имени, прозвища, а впоследствии и фамилии первопоселенца или владельца местности. Эта версия топонимического мотива находит самое широкое распространение в преданиях. Она известна древнейшим произведениям народной исторической прозы, и прежде всего преданиям об основании соседних селений братьями или деревни одним первопоселенцем. Вторая версия этого же мотива — происхождение названия селения от наименования местности, в которой оно было основано. Фольклорные материалы не подтверждают существующей в этнографии гипотезы о едва ли не стопроцентном соответствии локативного типа началу процесса освоения новых земель и лишь о постепенном возникновении и увеличении доли посессивного типа: они свидетельствуют о противоположном. Третья версия — географические названия связаны с этническим происхождением первопоселенцев или аборигенов. Иные версии — происхождение названия деревни, природного объекта или целой местности от какой-либо их особенности, рода занятий жителей и т.д. В них фигурируют географические названия качественнoго типа.

Если названные версии в большей или меньшей степени основываются на фактах, то новая версия — народная этимология топонимов, особенно иноязычных, — заключает в себе, как правило, вымысел. Топонимический мотив, основанный на народной этимологии, обычно не соотнобразуется с историческими, этнографическими, географическими фактами и законами лингвистическими

147519 K

тики. Однако в самих этих несообразностях как раз и кроются возможности для зарождения и развития сюжета преданий.

Таковы основные мотивы цикла преданий о заселении и освоении края. Каждый из компонентов может выступать в структуре преданий в качестве сюжетобразующего или второстепенного. Каждый из них то образует самостоятельный сюжет, то вступает в различные сочетания с другими мотивами, принадлежащими этому или иному циклу. В разнообразных комбинациях мотивов и заключается сюжетное богатство народной исторической прозы, и в частности преданий рассматриваемого цикла.

Во втором разделе основной части диссертации исследуются предания об аборигенах края. В центре внимания бытующие на Русском Севере предания о чуди, известные и в других регионах — на Урале и в Сибири, куда они были занесены по мере колонизации этих земель и оказались связанными с различными народностями, жившими здесь до прихода русских. Эти предания известны и у других народов Севера — саамов, коми.

Проблематика, связанная с выявлением этнической принадлежности чуди, выходит за рамки данного, фольклористического, исследования, хотя некоторые наблюдения историков и лингвистов должны использоваться и при фольклористическом анализе преданий, особенно при рассмотрении реалий.

Специфика оформления преданий о чуди на разных этапах их становления в значительной мере обуславливается общим состоянием всей поэтической системы, господствовавшей в тот или иной период. Вот почему для прочтения древнейших преданий о чуди, отличающихся во многом мифологическим, обобщенно-эпическим характером изображения, требуется совершенно иной подход, чем тот, которым пользуются, когда речь идет о более поздних произведениях, связанных уже с иной поэтической системой, тяготеющей в большей или меньшей степени к установке на конкретную историческую действительность.

Предания о чуди уже в момент своего становления в определенной степени вобрали в себя круг представлений, сложившийся еще до их появления. В этих преданиях могли оказаться такие детали и образы, которые впоследствии вообще выпали из поэтической системы народной исторической прозы и в

дальнейшем развивались в рамках иных жанров.

Предания о чуди не относятся к каким-то уникальным явлениям. Многие образы, коллизии, реалии, которые подчас приписываются исключительно им, занимают определенное место в типологическом ряду преданий об аборигенах края, принадлежащих иным этнокультурным традициям.

В структуре преданий о чуди нередко присутствует мотив пребывания аборигенов в конкретной местности. Топография местожительства чуди определяется в них с позиций населения, которое отделяет себя от чуди и нередко противопоставляет себя ей. Чудь в народной исторической прозе — прежде всего аборигены края, впоследствии заселенного иным по своему этническому происхождению народом. По свидетельству этнографов, первые контакты славян с племенами, известными под названием "чудь", относятся к IX в. Приблизительно к этому же времени следует отнести становление и формирование первых преданий о чуди. Судя по этим произведениям, контакты аборигенов с новыми поселенцами с самого начала приобретали характер хозяйственных и матримониальных отношений. В преданиях подчеркивается не столько сходство, сколько различие в роде занятий, в материальной культуре аборигенов и пришельцев, что служит одним из проявлений острашения аборигенов. Еще в больше мере это острашение проявляется в мифологическом осмыслении действий, обусловленных языческими представлениями аборигенов. В мифологическом плане выдержан и типичный для ранних преданий конфликт матримониального характера. По мере укрепления контактов между аборигенами и пришельцами все более усиливается конкретно-эмпирическое восприятие действительности. Заметно идет на убыль или же вообще исчезает конфликт матримониального характера. Мифологические элементы, однако, еще долго удерживаются в обрисовке центральных персонажей.

В ходе сравнительно-типологического сопоставления фольклорных материалов выясняется, что необычайно высоким ростом, могучим телосложением, одноногостью, однорукостью, одноглазостью (применительно к чуди: белоглазость), равно как каннибализмом, магическими способностями и прочими свойствами, наделяются самые разные аборигены, если иметь в виду наибо-

лее архаический слой этих образов. Названными качествами обладают и великаны – мифологические персонажи фольклора. Напрашивается вывод о генетическом родстве аборигенов края с великанами, а значит, о синкретизме образов преданий и мифологических произведений в начальный период становления народной исторической прозы.

В архаических преданиях аборигены представлены в виде зооморфных или зоантропоморфных, "гибридных" существ. Иногда это "люди" с тератоморфными признаками либо способные к перевоплощениям. Генетическими истоками подобных образов служат тотемистические представления, которые утрачены в изображении "своих" персонажей, зато в рудиментарных формах сохраняются в обрисовке "чужих". Уходит своими корнями в мифологию и осмысление аборигенов края в качестве неких невидимых потусторонних сил.

Различные представления об аборигенах края обусловлены как определенным уровнем сознания пришельцев, так и общим состоянием поэтической системы, или соответствующей этому мировосприятию, или оказывающейся еще более консервативной. В процессе бытования различного рода мифемы постепенно отпочковываются от преданий об аборигенах края, сохраняясь преимущественно в быличках и сказках. В качестве рудиментов они еще долго удерживаются в преданиях о чуди, благодаря присущей фольклору тенденции к остранению аборигенов, или, применяя терминологию Б. Брехта, к "эффекту очуждения".

Сюжетообразующим в некоторых преданиях выступает мотив нападения аборигенов на позднейших поселенцев. При этом на синкретический образ чуди наслаивается образ внешнего врага. Доступ живого материала в данный мотив ограничивается рамками жанра, возможностями фольклорной традиции, реальными условиями бытования преданий о чуди. Ведь до утверждения конкретно-исторического способа изображения действительности (XVI в.) факты оказывались пропущенными сквозь призму обобщенно-мифологических представлений. С укреплением нового способа эти факты могли бы быть "вкраплены" в структуру фольклорных произведений, но они к этому времени были уже в значительной степени утрачены. Вот почему долю конкретности изображения и соответствия его действительности в

преданиях о чуди не следует преувеличивать.

Мотив исчезновения аборигенов в определенной местности имеет различные версии. В числе их - "чудь заживо себя погребла" и "чудь в землю ушла", - в которых дано мифологическое осмысление исчезновения аборигенов на данной территории. По-видимому, обреченными на гибель или на снижение их былой значимости всегда оказываются в фольклоре персонажи отжившей эпохи и соответствующей ей поэтической системы.

Наряду с мифологическими рассматриваемый мотив имеет и версии, выраженные с большей или меньшей степенью исторической конкретности. В преданиях, содержащих эти версии, повествуется об исчезновении чуди в новом, необжитом краю, куда она оказывается вытесненной, или подчас о гибели ее в военных столкновениях с феодальными отрядами. Под исчезновением чуди подразумевается и вытеснение с обжитой территории, и покорение, и ассимиляция этого в известной мере мифического народа. Нельзя не учитывать, что так называемые исторические версии основываются подчас на мифологических моделях и ограничиваются последними.

Сюжетообразующим в данном цикле нередко является и мотив оставления аборигенами следов своего пребывания в той или иной местности. Разнообразие версий этого мотива сводится к оставлению чудью различных памятников материальной культуры. Иногда на основе рассмотрения заключенных в нем этнографических реалий предпринимаются попытки выяснить основные параметры материальной культуры, обозначенной в преданиях, и определить ее принадлежность конкретному этносу. Фольклористические разыскания, подкрепленные данными смежных наук, со всей очевидностью показывают, что в преданиях с этим мотивом под чудью подразумевается древнее население в целом, оставившее после себя различные памятники материальной культуры, происхождение которых непонятно рассказчикам.

Образ чуди в преданиях многогранен, в то время как число мотивов ограничено. Богатство сюжетов в чудской теме определяется в первую очередь различной комбинацией мотивов, количественное соотношение которых непременно приводит к качественному многообразию.

Доступ исторических фактов в предания закономерно ограничивается возможностями жанровой системы, которая генетически связана с мифологическими по своей природе представлениями.

В третьем разделе основной части диссертации анализируются предания о "панах". Они в сущности состоят из тех же мотивов, что и предания о чуди. Такое совпадение компонентов в различных циклах предопределяет суждение о некотором тождестве центральных персонажей – чуди и "панов", но отнюдь не исключает их различия, усиливающегося по мере развития и дифференциации этих полисемантических образов, восходящих в своих истоках к единому мифологическому персонажу. Чтобы разобраться в сложном и противоречивом образе "панов", необходимо рассмотреть всю его структуру, поскольку усиление каждого из ее элементов приводит к качественно иной семантике образа.

В своих наиболее архаических проявлениях этот образ связан с сакральным пространством, локализованным на острове и изолированным магическими оградами. Его формирование обусловлено представлениями о мифических предках, равно как и о существах, обеспечивающих плодородие земли. При этом синкретический образ "панов" наследует функции некоего древнего женского персонажа. О власти "панов" над урожаем свидетельствуют не только фольклорные, но и этнографические материалы, в частности известное описание праздника Киселев день. Это локальный вариант семика, а "паны" в данном случае – локальный вариант образа умерших, предков. Ритуальный характер носило и исключительное участие женщин в определенных моментах данного праздника, способствующее пробуждению плодоносящей силы земли и приобщению к ней, тем более что исторически земледелие было связано именно с женским трудом. Следовательно, в своих генетических истоках "пан" – своеобразное хтоническое божество, от которого, по древним верованиям, зависел успех в земледелии; в дальнейшем же "пан" – это умерший, предок, образ которого, несмотря на усиление реалистических элементов, продолжает в известной мере сохранять функцию хтонического божества.

Образ "пана" занимает соответствующее место и в народном прикладном искусстве. Он воплощается в обнаруженных на Русском Севере антропоморфных скульптурных изображениях из дерева, известных под названием "пань", "панки". Бытование подобных произведений мелкой пластики зафиксировано у различных по своему происхождению народов. В генетическом плане предшественником этого антропоморфного предмета культа следует считать кости наиболее почитаемых предков. Первоначально эти кумиры почитались как родовое божество, с разложением же первобытнообщинного строя — как семейное. Антропоморфная скульптура и соответствующий ей фольклорный образ генетически связаны с культом предков.

Наряду с мифологической в преданиях нарастает стихийно-материалистическая тенденция в разработке образа "панов". Теперь "пан" воспринимается уже в качестве предка, некогда реально жившего, первопоселенца — основателя определенного селения, которое обычно получает название от имени этого жителя. Вместе с тем "пань", подобно чуди, осмысляются и как аборигены края. Они выступают и в качестве народа, отличного по своему этническому происхождению от позднее поселившихся в той или иной местности жителей. На основе фактов, накопленных археологией, этнографией, лингвистикой, можно утверждать, что образ "панов", фигурирующий в русских преданиях, по происхождению в какой-то степени связан с материальной и духовной культурой финноязычных народов.

С принятием и упрочением христианства "пань" в преданиях приобретают характерные черты язычников, с которыми вступают в борьбу монахи-миссионеры.

И наконец, "пань" — это те, кто оставил после себя различные памятники материальной культуры, которые, будучи явным свидетельством былого пребывания здесь самих ее носителей, оказываются загадочными для последующих поколений местных жителей. Имеющиеся в преданиях реалии не дают возможности выяснить принадлежность упоминаемых предметов материальной культуры какому-либо определенному этносу или же отнести их к более или менее конкретному социально-временному периоду: под "панями" в данном случае подразумеваются взятые в

совокупности и аборигены, и первопоселенцы, и предки в широком смысле этого слова, и др. Впоследствии рассматриваемый образ приобретает дополнительное значение: это заезжие люди, которые какое-то время жили до нынешних в той или иной местности. Сравнительно поздний образ может оказаться в глубоко мифологическом контексте либо наслоиться на предшествующие ему образы. Этот многослойный образ способен впитать и элементы персонажа, принадлежащего совершенно иному типологическому ряду, в котором "пан" обозначает помещика.

"Паны" нередко осмысляются и как разбойники, а с начала XVII в. и как польско-литовские интервенты. В последнем случае образ внешних врагов наслоился на предшествующий образ "панов" — предков, окончательно не вытеснив всех тех элементов, которые были присущи архаическому персонажу. Новый образ представляет собой некое синтетическое единство, которое отличается чрезвычайной сложностью, многослойностью и противоречивостью. Сближение совершенно различных и, казалось бы, взаимоисключающих персонажей в одном образе может быть объяснено, на наш взгляд, не только одинаковым названием предков и поляков в фольклорной традиции, но и какими-то внутренними потенциями изначального образа, глубинными закономерностями стыковки образов, несмотря на все их различие по времени становления и по самой семантике. Ведь уже в образе "панов" — умерших предков — содержится ряд таких элементов, которые имеют точки соприкосновения с образом внешних врагов: и те и другие — пришельцы из иного, неведомого мира, и те и другие несут своим появлением гибель. Подобным обстоятельством обусловлено напластование элементов одного образа на соответствующие элементы другого. И все же потенциальные возможности для появления "панов" в различных ипостасях заложены уже в архетипе данной совокупности образов.

Образ "пана" синкретичен: он содержит элементы различного рода персонажей. В особенностях сочетания этих элементов заключены специфика проявления образа в каждой конкретной его реализации на разных этапах бытования преданий. Многие из названных элементов формируют и образ чуди, что позволило предшествующим исследователям сближать "панов" и чудь. Однако соотношение элементов в структуре каждого из образов различно.

Именно поэтому не совпадает и основное значение данных персонажей: чужд — прежде всего аборигены, "пань" — преимущественно предки.

Четвертый раздел основной части диссертации посвящен преданиям о кладах. Границы, отделяющие предания этого цикла от сходных с ними быличек, зачастую носят условный характер. Отнесение конкретных произведений к тому или иному жанру зависит от наличия либо отсутствия в них достаточно выраженной исторической основы. В цикле преданий о кладах выделяются четыре структурно-хронологических типа: о "зачарованных кладах"; о кладах, которые в силу социально-утопических иллюзий крестьянства осмысляются в качестве источника избавления от нужды; о ценных вещах из погребального инвентаря; о кладах в буквальном смысле слова.

Рассматриваемые произведения часто открываются мотивом запрягивания кладов. В архаических преданиях зарытие сокровищ приписывается чуди или "панам", в позднейших — польско-литовским интервентам или разбойникам, образы которых имеют общие элементы с названными древними персонажами.

С мотивом запрягивания кладов связан мотив их местонахождения. По словам рассказчиков, клад часто оказывается зарытым под сосной, елью или березой, имеющими признаки священного дерева, под камнем с нанесенными на нем сакральными знаками либо погруженными в воду, культ которой широко отражен в фольклоре. С усилением позиций христианства местонахождение клада стало связываться в преданиях с церквями.

На поверхности земли клад появляется в виде огня, а также в облике животного или человека, которые, вероятно, были принесены в жертву в соответствии с архаическими формами обряда сокрытия клада. Подобная жертва аналогична "строительной". Только в одном случае требуется заполучить духа для успешного функционирования будущей постройки, в другом — для охраны зарываемого клада. Обретению духа посвящен целый ритуал, в состав которого входили жертвоприношение, заговор и собственно действие.

В итоге многообразные обереги (дерево, гора, камень, вода, духи-хранители, имеющие зооморфный или антропоморфный облик) оказываются функционально единообразными: "зачарован-

ный клад" находится под покровительством магических сил, которое, согласно языческим представлениям, распространяется и на владельца клада. В сокровище как бы материализовалось счастье и успех его обладателя. Вот почему богатства запрятавались так, чтобы никто не сумел ими воспользоваться. Если же клад кем-то обнаруживался, то его владелец мог лишиться не только магической помощи, но даже жизни¹³. Отсюда понятно формирование в преданиях мотива не дающегося в руки сокровища, какие бы попытки взять его ни предпринимались кладоискателями. В том случае, когда сокровищем все же овладевают, оно, судя по архаическим преданиям, приводит к гибели кладоискателя или погибает само, превращаясь в "неблагородное вещество".

Мотив овладения кладом как материальным богатством порожден в условиях разрушения традиционных представлений о сокровище и связанных с ним верований и запретов. Это разрушение обусловлено прежде всего развитием товарно-денежных отношений, когда золото, утрачивая свою сакраментальную силу, приобретает утилитарное назначение.

С усилением христианства клад, так же как и другие атрибуты язычества, подвергается дискредитации: он соотносится с нечистой силой. Вместе с тем в фольклорной традиции обозначилась тенденция к переосмыслению этого атрибута язычества применительно к новым условиям: клад освящается локализацией близ церкви, часовни либо присутствием иконы.

Мотив овладения кладом содержится и в преданиях, в которых отражена надежда на избавление от нужды. Но даже в них имеются рудименты архаического мотива не дающегося в руки клада.

Два других типа преданий (о кладах, представляющих собой ценные вещи из погребального инвентаря; о кладах реальных в прямом значении этого слова) знаменуют переход к утилитарному восприятию кладов, однако и в них до конца не изжиты элементы старой поэтической системы.

Таким образом, в отличие от преданий о "зачарованных

---

¹³ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 197-199.

кладах", где сюжетобразующим является мотив не дающихся в руки сокровищ, остальные три типа преданий основываются на более позднем сюжетобразующем мотиве овладения кладом. Особенности проявлений последнего в каждом из этих трех типов определяются спецификой объекта и субъекта, а также обстоятельствами действия, направленного на добывание сокровищ. И в данном случае поздние предания вырастают в значительной степени из подвергшихся переосмыслению и модификации традиционных мотивов.

В пятом разделе основной части диссертации исследуются предания о великанах, богатырях, силачах. Здесь раскрывается семантика образа великана, выявляется преемственная связь с ним образов богатырей, силачей, рассматривается соотношение названных персонажей в системе эпического творчества.

Великаны в восточнославянских преданиях осмысляются как первые люди. Во всех эпических жанрах наблюдается их связь с горами: великаны локализируются в горах; эквивалентны персонифицированным горам; превращаются в горы. Горы же (скалы, камни) - атрибуты великанов. В образе этих мифологических персонажей обнаруживается древнейшая - тотемистическая - подоснова и преемственная связь с образом мифического предка. Великаны - обладатели необыкновенной силы, физической, жизненной, заключенной в определенном "вместилище". Они выступают как демиурги, воплощающие в себе природные силы, и потому их деяния обычно бессознательны. Вместе с тем образ великана противоречив: данный персонаж может выступать и в роли "культурного героя", трансформирующейся в его хозяйственную деятельность. В фольклорной традиции он и змеборец, функционально тождественный богу грозы, а также "хозяевам" стихий. Связь великанов и обычных людей в мифах и преданиях не носит характер биологического родства, хотя в образе великана есть признаки и первочеловека, и основателя селения. С развенчанием и снижением этого персонажа нарастает отчуждение его от людей. В фольклорной традиции усиливается осмысление великана как антагониста.

Преобладание того или иного значения в сложной и много-составной семантике образа зависит от контекста, в котором

он оказывается. В процессе развития образ великана дает настолько разные трансформации и модификации, что взаимосвязь их между собой и со своим архетипом с трудом обнаруживается. Кроме того, в системе эпического творчества он испытывает на себе влияние родственных либо сходных образов, что приводит к новым привнесениям и семантическим наполнениям, вследствие чего конкретные реализации образа великана часто бывают несопоставимыми.

Процесс трансформации образа великана сопровождается постепенным ослаблением мифолого-гиперболических признаков персонажа, что детерминируется нарастающим вычленением человека, личности из той общности, частью которой он ранее являлся, а также усиливающейся дифференциацией его из мира природы.

Традиции образ великана известен в двух ипостасях: в сниженном качестве (и эти случаи преобладают) и в своем первоначальном величии. В первой ипостаси этот персонаж — одна из разновидностей антагониста. В другой он дает мощные импульсы к становлению и формированию образа богатыря, а вслед за ним и силача, преемственно связанного с предыдущими. Несмотря на то что образ силача приобретает в значительной степени реалистические очертания и даже нередко имеет свой прототип, отнюдь не исключается проникновение в его структуру некоторых мифолого-эпических и собственно эпических элементов, представленных в различных соотношениях и пропорциях. Все названные образы: великана, богатыря, силача — открыты друг для друга, подчас взаимозаменяемы, что создает предпосылки для формирования так называемых переходных персонажей.

В русском эпическом творчестве, в том числе и в преданиях, образы богатырей и силачей находятся на сравнительно поздней стадии развития, когда гиперболизация удерживается преимущественно лишь в описании физической мощи героя. Тем не менее в некоторых мотивах все же сохраняются рудименты архетипа названных образов.

В мотиве происхождения богатыря (силача) рождение героя, так же как и великана, нередко оказывается соотношенным с горой (камнем), представленной в качестве его родительницы (родителя). Модификация мотива: локализация героя на горе.

Мифологические истоки образа обнаруживаются и в иных версиях: богатырь (силач) может вести свое происхождение и от дерева, земли, воды, огня, т.е. от различных элементов природы, каждый из которых представлен в традиции в качестве синкретического образа с явно выраженной тенденцией к антропоморфизации. Эквивалентом подобных "родителей" героя являются различного рода божества.

Аналогичный характер имеет мотив обретения силы эпическим персонажем. Преодолевающий последствия своего хтонического происхождения герой получает силу от той из стихий либо ее персонификации, чьим сыном он по сути дела является. Физическая и – шире – жизненная сила богатыря (силача) приобретает определенное материальное воплощение. Ее средоточием служат волосы, внутренности (сердце, печень, легкие), кости ("чертово ребро"). Мифологема – персонаж неуязвим благодаря наличию вместилища физической, жизненной силы – в поздних преданиях приобретает качественно иное выражение: неуязвимость героя объясняется его особой физической мощью и крепостью, по степени которой, однако, он иногда не уступает великану. Формальные очертания образа оказываются консервативнее его содержания, в котором уже значительный удельный вес принадлежит реалистическим элементам.

В древних представлениях о физической силе имеет место определенный дуализм: с одной стороны, она осмысливается в качестве реальной человеческой мощи, с другой – как ниспосланная свыше. Согласно такому восприятию, необычайная сила героя – свидетельство его мифологической сущности, дающей право на власть. Не случайно в родо-племенных сказаниях вождь осмысливается как лицо божественного или полубожественного (в наиболее архаических из них – тотемного) происхождения. Вместе с тем в своих генетических истоках образ богатыря (силача) связан и с представлениями об удачливом охотнике: именно охота являлась в первобытном обществе важнейшим средством существования, в борьбе за которое человек должен был применять физическую силу. В преданиях богатырь (силач) – охотник, обычно соотношенный с царем-вождем, родоначальником, почитаемым предком, все более вытесняется собственно силачом, образ которого дает многочисленные разветвления и модификации. В

качестве силача фигурируют уже сравнительно поздние реальные персонажи, которые, однако, наследуют функции своих архаических предшественников.

Из всех компонентов, входящих в структуру преданий о силачах, наиболее жизнеспособной оказалась совокупность мотивов, связанных с проявлением героем необыкновенной физической силы. В разные периоды становления и бытования преданий данные мотивы наполнялись в большей или меньшей степени новым содержанием, причем субстанция их отнюдь не разрушалась. К числу древнейших, генетически связанных с охотничьим промыслом, относятся мотивы: проявление необыкновенной силы и меткости в стрельбе, преодоление пространства с необычайной скоростью, поднятие и перенос (перебрасывание) на значительное расстояние огромных тяжестей. Все они имеют в фольклорной традиции различные версии.

Сюжетообразующую роль в цикле преданий о силачах играет и мотив единоборства героя с противником, широко распространенный во всем мировом фольклоре. При этом в понятие единоборства вкладывается одно или несколько значений: ритуальное действие, судебный или военный поединок, состязание в силе.

Гиперболизированными представлениями о необычайных физических возможностях человека порожден и мотив возделывания силачом земли (пахоты).

В структуру цикла преданий о силачах входит также мотив утраты силы героем. В нем, равно как и в некоторых других (обретение силы, единоборство с противником и т.п.), заключена потенциальная возможность для становления мотива трагической гибели героя. Персонаж, в котором доминирует мифологическая сущность, оказывается обреченным на гибель или неизбежно подвергается смертельной опасности в случае отрыва от источника своей силы, а также при разрушении субстанции, в которой его сила заключается. В дальнейшем трагическая гибель силача приобретает обытовленное истолкование, хотя и сохраняет в рудиментах былые признаки предопределенности.

Древнейшие мотивы предания находят себе подчас весьма близкое соответствие в эпосе, которое может быть объяснено общими, до известной степени мифологическими, истоками того и другого жанра, первоначальным синкретизмом протоэпических

форм народного творчества, отчасти преемственной связью между преданием и эпосом. Развиваясь в дальнейшем параллельно и отражая аналогичные аспекты общественного бытия, оба названных жанра соотносятся между собой как более общее, удовлетворяющее общественным запросам всего этноса (эпос), и более частное, соответствующее потребностям довольно узкой социальной группы (предание). В силу своей прозаической формы предания по сравнению с эпосом отличаются необычайной гибкостью, возможностями приспособления к новым условиям бытования, что неизбежно обуславливает утрату архаических элементов и мотивов. Эпос же как более консервативный жанр подчас сохраняет в своей структуре те мотивы, которые в преданиях удерживаются лишь в самых рудиментарных формах.

В шестом разделе основной части диссертации рассматривается совокупность мотивов, из которых состоит цикл преданий о борьбе с внешними врагами. Один из них — мотив внезапного нападения врагов на местное население. Его структуру составляют элементы, определяющие действие в бытовом, локальном и историческом ракурсах. Характер бытовых реалий во многом зависит от уровня развития производительных сил, которыми располагает этнос в период становления преданий. Локальные реалии обусловлены представлениями о пространстве, преобладающими в фольклорной традиции при формировании конкретного сюжета. В осмыслении пространства наиболее архаические предания смыкаются со сказкой. Характер же исторических реалий детерминирован в первую очередь определенной стадией развития предания, в частности образа врага. Если в раннем историческом фольклоре антагонист — чудовищное существо, имеющее зооморфный либо зооантропоморфный облик, пришелец из потустороннего мира, великан, то в последующих произведениях он все более наделяется реальными признаками, прежде всего этнической принадлежностью.

Иногда в преданиях сохраняется мотив проникновения врагов в селение хитростью. Его анализ позволяет, в частности, выявить некую закономерность в трансформации образа антагониста, сказывающейся на характере действия: зооморфный враг — зооантропоморфный — антропоморфный, но маркированный зооморфным атрибутом — реальный враг.

Оба названных структурных компонента стыкуются с мотивом уничтожения мирных жителей, разорения селений. Мотивировки нападения врагов зарождаются еще в сказаниях о межплеменных столкновениях, где в основе конфликтов лежат соображения экономического или матримониального плана. Однако даже в поздних преданиях, несмотря на их конкретно-историческое содержание, определенные факты действительности вписываются в традиционную схему изображения. Преломление в преданиях сходных по своей сущности, повторяющихся в разное время исторических событий неизбежно обуславливает обобщенность и эпичность повествования. Эта тенденция усиливается либо ослабляется в зависимости от общего состояния эпической системы, в контексте которой бытует то или иное предание.

Переплетение элементов, принадлежащих мифологической, эпической и конкретно-исторической традициям, обнаруживается и в мотиве похищения женщины. Этот мотив прочно удерживается в преданиях тех народов, у которых активно бытуют эпические песни о добывании жены, в какой-то мере утраченные в русском фольклоре, в том числе и в произведениях народной исторической прозы.

В цикле преданий о борьбе с внешними врагами имеет место мотив трудной задачи. Известный уже мифологии, он бытует параллельно и в сказке, и в предании. Испытанию в этом мотиве подвергаются не только физические, интеллектуальные способности героя, но и его магические возможности. Иногда названный компонент сопрягается с мотивом проявления необыкновенной силы и меткости в стрельбе, принадлежащим структуре иного цикла.

Более распространен в народной исторической прозе мотив надругательства врагов над святыней, представленный двумя версиями: угроза объекту культового назначения; непосредственное надругательство врагов над святыней (языческой, позднее христианской). Мифологический по своему происхождению, он получает развитие в преданиях названного цикла и особенно в легендах. Мотив святотатства крепнет по мере ослабления прежней веры во всемогущество тех или иных божественных сил. Впоследствии он сохраняется как отражение фак-

тов произвола и насилия врагов.

Наличие рассмотренных мотивов в преданиях интересующего нас цикла обуславливает включение в его систему соответствующих компонентов, соединенных с первыми по законам семантической оппозиции. Мотивы, изображающие действие врагов, сочетаются с компонентами, повествующими о противодействии им. Так, мотиву святотатства соответствует мотив избавления от врагов в результате свершившегося чуда, известный в различных версиях: враги слепнут и убивают друг друга; окаменевают; поглощаются землей. Стадиально разновременным, но функционально тождественным объектам, которые подвергаются надругательству со стороны врагов, соответствуют адекватные покровители языческого и христианского происхождения. Постепенно приобретая реалистическое истолкование, мотив избавления от врагов в результате свершившегося чуда может трансформироваться в мотивы реальной борьбы с внешними врагами — хитростью и в открытом бою. По законам фольклорной логики мотиву похищения женщины соответствует мотив ее вызволения. Он же обнаруживается в мифе, укореняется в сказке, эпической песне. Мотиву трудной задачи неизменно сопутствует мотив избавления от врагов путем ее решения. Обычно они принадлежат структуре одного сюжета. Другие же семантически связанные между собой компоненты оказываются сюжетообразующими в различных произведениях. Таков мотив избавления от врагов хитростью (отчасти соответствует мотиву проникновения врагов в селение хитростью). Он имеет различные версии: имитация многочисленного войска в условиях его отсутствия или малочисленности; имитация благополучия в условиях бедствия; мнимая измена или мнимое гостеприимство; предложение врагам якобы безопасного, а на самом деле губительного, пути и т.п. Аналог рассматриваемому компоненту можно обнаружить в сказочном мотиве одурачивания антагониста. Повествованию об уничтожении мирных жителей и разорении их селений подчас сопутствует сообщение об избавлении от врагов бегством.

В каждом из рассмотренных мотивов избавления от врагов уже заключена потенциальная возможность для становления и развития мотива борьбы в открытом бою. Тем не менее он имеет и собственную историю формирования, бытования, эволюции.

Персонаж здесь подчас не лишен мифологических и эпических признаков, определяющих его облик, действия и постепенно вытесняемых реалистическими элементами, реалиями.

Из других структурных компонентов следует назвать мотив ухода, бегства врагов, приобретающий конкретную интерпретацию в зависимости от того, с каким мотивом он сочетается и продолжением какого служит. В качестве самостоятельного выделяется и мотив оседания былых врагов среди местного населения, предпосылкой становления которого в севернорусских преданиях послужило формальное сближение образа "панов"-врагов с образом "панов" - первооселенцев. В структуре преданий рассматриваемого цикла присутствует также мотив оставления врагами следов своего пребывания в конкретной местности, нередко сочетающийся с топонимическим. Оба они, порознь и в совокупности, наличествуют и в других циклах: в преданиях об аборигенах, о "панах", о разбойниках, об исторических лицах и пр. Топонимический мотив устойчив при условии сохранения самого памятника, с которым он связан.

На формирование и взаимодействие структурных компонентов в системе преданий о борьбе с внешними врагами оказала влияние наиболее универсальная для первобытного мышления семантическая оппозиция "свой - чужой". Она не утратила силы с утверждением конкретно-исторического способа изображения действительности, с осмыслением самого понятия "историческое".

В седьмом разделе анализируются предания о разбойниках.

Они сводятся к двум типам: о разбойниках в собственном смысле этого слова и "благородных". Сущность каждого из них определяется характером центральных персонажей, соответствующей комбинацией мотивов, которые, наполняясь реалиями, приобретают различную социальную окраску. Оба типа сосуществуют в традиции. При определенных условиях удельный вес каждого из них может возрастать.

Разбойничество как социальное явление осваивается на первых порах мифологическим мышлением, которое в силу "слитности и синтетизма" еще не выделяет разбойников из функционального ряда антагонистов. Трансформация мифического существа с разбойничьими качествами в реального разбойника - результат длительной эволюции. Ее признаки сохраняются в пер-

сонажах переходного характера.

Мотив социального происхождения разбойников формируется вместе с наполнением его историко-бытовыми реалиями. В преданиях, сохраняющих некоторые архаические элементы, совершенно различные персонажи (мифические существа, аборигены, первопоселенцы, внешние враги, разбойники) подчас эквивалентны друг другу и могут быть представлены в том или ином соотношении в рамках одного, синтетического по своей структуре образа. Их дифференциация также происходит в процессе эволюции. В мотиве, связанном с образом "благородного" разбойника, социальное содержание с самого начала достаточно определено.

Импульсом, идущим от мифолого-ритуального "образца", вызван к жизни мотив обретения разбойником силы - физической и магической. Он восходит к обряду обгарения кровью оружия, целью которого - вызов духа кровопролития и вселения его в совершающего этот обряд разбойника (ранее: охотника, воина). Связанный с образом "благородного" разбойника, данный структурный компонент трансформируется в мотив испытания силы и ловкости. Этнографическими истоками последнего могли послужить и некоторые элементы обряда инициаций.

Мотив испытания силы и ловкости переплетается с мотивом проявления необыкновенной силы и меткости в стрельбе, содержащимся в цикле преданий о силачах, или с мотивом трудной задачи, реализация которого преобладает в преданиях о борьбе с внешними врагами.

В мотиве местопребывания разбойников не изжиты представления об органическом единстве персонажа и принадлежащего ему пространства, которое в зависимости от сущности маркирующего его субъекта может иметь диаметрально противоположную качественную характеристику, хотя полностью и не лишено некоторых реальных признаков.

Подобная качественная характеристика распространяется и на мотив собственно разбойных действий. И все же для изображения поступков "благородного" разбойника оказывается недостаточным тот "набор" компонентов, который определился применительно к образу собственно разбойника. В таком случае используются дополнительные средства: например, ведущий свое

начало из бытовой сказки мотив ловкой проделки над баринном либо сформировавшийся в цикле преданий об исторических лицах мотив одаривания, связанный с образом вождя, царя.

В мотивах преследования, расправы над разбойниками, находящихся в семантической оппозиции по отношению к рассмотренным выше, реалистические элементы, как правило, преобладают, поскольку действующие лица — "наши", "односельчане", "местные жители", представляющие свой, эмпирически познанный мир. Мифологические элементы вновь усиливаются, когда речь идет о спасении разбойника (чаще "благородного") от преследователей — обычно посредством перевоплощения (позднее: переодевания). Они сохраняются и в мотиве утраты силы данным персонажем. Мотив раскаяния, связанный с образом собственно разбойника, нередко получает развитие в легендах и житиях. Соотнесенный же с образом "благородного" разбойника, он активно бытует в других циклах преданий — о заселении и освоении края, о борьбе с внешними врагами, об исторических лицах.

Структурные компоненты, связанные с образом "благородного" разбойника, являются по преимуществу производными от сложившихся применительно к более раннему образу собственно разбойника, корни которого — в мифологическом фонде. Модель, структура, стереотип, сформировавшиеся еще в архаическом фольклоре, оказываются пригодными при становлении образа "благородного" разбойника. Дело лишь в наполнении готовой формы различным социальным содержанием, суть которого обуславливается принадлежностью предания к конкретному социально-временному периоду. Вместе с тем социальное содержание предопределяет особенности бытования традиционных мотивов в системе сюжета, цикла и народной исторической прозы в целом.

Предания о раскольниках, рассматриваемые в восьмом разделе, представляют собой более частное, локальное явление по сравнению с другими циклами. Возникнув в конце XVII в., они получили распространение преимущественно на Севере, в Заволжье и в Сибири по мере поселения здесь старообрядцев. Будучи поздними по происхождению и соотнесенными с совершенно конкретными историческими фактами, эти произведе-

дения могут послужить материалом для постановки и рассмотрения ряда теоретических вопросов, касающихся истоков и развития преданий: использование традиционных мотивов и элементов для освоения событий, связанных с церковным расколом; приспособление их для изображения новой действительности; особенности трансформаций традиционных средств в структуре преданий.

В мотиве происхождения раскола воплощен протест, который носит по сути дела антифеодалный характер с ярко выраженной религиозной окраской. Если в целом названный мотив — качественно новое явление в народной исторической прозе, то в осмыслении царской власти предание вновь обращается к средствам осуждения этой силы, черпая их из мифологического арсенала.

Историческими, географическими и топографическими реалиями насыщен и мотив распространения раскола, сложившийся на новом этапе в развитии преданий.

Предания как фольклорный жанр живут лишь до тех пор, пока не обрывается нить, связующая воедино разновременные традиции в системе народной исторической прозы. В произведениях названного цикла преемственность традиционных средств изображения осуществляется, в частности, в мотиве борьбы с расколом, воспроизводящем подчас эпическую коллизию. При этом используются элементы традиционного мотива уничтожения мирных жителей, разорения их селений, характерного для преданий о борьбе с внешними врагами, или традиционной формулы, выработанной в эпосе применительно к изображению осады города неприятелем. Последняя оказывается задействованной в случаях, когда реальная историческая ситуация по своим внешним признакам в известном смысле соответствует эпической. С усилением же конкретно-исторического способа изображения действительности повествование о всевозможных фактах расправы стрельцов со староверами не приобрело сколько-нибудь устойчивой новой формы: реалии и традиция — противоборствующие начала в системе развивающегося жанра.

Семантическую оппозицию мотиву борьбы с расколом составляет мотив отпора преследователям со стороны старообрядцев. Для изображения активной борьбы раскольников с прави-

тельственными войсками иногда используются традиционные эпические средства, сформировавшиеся в былинах и преданиях о борьбе с внешними врагами. В реализации же иной версии этого мотива – пассивное сопротивление правительственным карательным экспедициям – используется форма, выработанная в преданиях о чуде: самосожжение раскольников уподобляется самопогребению аборигенов. Наряду с этим в других текстах представлена реалистическая картина самосожжения.

В структуре анализируемого цикла бытует и мотив избавления от преследований бегством, который ничем не отличается от компонента, входящего в цикл преданий о борьбе с внешними врагами. Стыкуясь с мотивом основания селения, он может присутствовать в цикле преданий о заселении и освоении края. Оставаясь же в контексте собственного цикла, названный компонент нередко примыкает к мотиву распространения раскола, что создает предпосылки для многократного воспроизведения одной и той же коллизии.

Таким образом, в структуре преданий о раскольниках невозможно отыскать ни одного в полной мере постоянного мотива или устойчивого "бродячего" сюжета, который бы именно в этом цикле и сформировался. Основной фонд постоянных мотивов и сюжетов образуется в народной исторической прозе преимущественно за счет приспособления древнейших форм к последующим социально-экономическим и историческим условиям. Этот фонд заметно идет на убыль, когда для поддержания в традиции того или иного его компонента больше не существует подходящей почвы и когда сама субстанция мотива разрушается под напором фактов действительности, вторгающихся в его структуру. Последний процесс ускоряется с укреплением конкретно-исторического способа изображения действительности. Победа этого способа произошла до становления интересующего нас цикла, предопределив неустойчивость, повышенную вариативность его структурных "слагаемых".

Предания об исторических лицах, рассматриваемые в девятом разделе основной части диссертации, – своего рода итог развития народной исторической прозы. Формирование персонажей в фольклоре – следствие эволюции некоего древнего синкретического прообраза. Для создания образа того

или иного деятеля продолжают использоваться прежние средства, выработанные предшествующей традицией применительно к обобщенному персонажу. Не случайно разница между фольклорными персонажами (например, вождем крестьянских масс и царем) гораздо менее значительна, чем между их прототипами. Известное сходство между названными персонажами коренится в общих истоках этих образов, каждый из которых генетически восходит к древнейшим патриархально-родовым представлениям о вожде, воплотившем в себе идеалы доклассового общества. Отсюда и берет начало идеализация персонажей. В дальнейшем почвой для сходного осмысления народного вождя и царя послужило сложное историческое сознание народа. В связи со сказанным правомерна постановка вопроса о существовании в традиции некоего стереотипа, который в конкретных социально-исторических условиях приобретает специфическое содержание, варьируясь лишь в определенных пределах.

Мотив происхождения вождя, царя синкретичен для всех жанров эпического творчества. В наиболее архаических произведениях царский род ведет свое начало от тотемного предка. Царь имеет божественное или полубожественное происхождение. Он потомок богов или их избранник. В преданиях божественное волеизъявление при избрании царя определяется посредством особого обряда, функционально тождественными атрибутами которого служат дерево, огонь, священное животное, равно как и сам прорицатель (они могут иметь различные метафорические замены).

Уходит своими корнями в мифологию и мотив узнавания царя, который также порожден верой в особую природу лиц, предназначенных для царской власти или уже наделенных ею. Судя по преданиям, царя узнают по неким "царским знакам" (графическим изображениям, ведущим начало от древней татуировки и заключающим в себе сакральный смысл) или вещественным доказательствам его высокого происхождения. Проявление некоторого внимания к индивидуальному облику исторического лица намечается только в поздних преданиях, причем преимущественно в меморатах.

Мотив происхождения героя нередко представляет собой качественное единство с мотивом происхождения или добывания

коня. Соответственно узнавание богатырского коня адекватно узнаванию самого героя. Эти структурные компоненты сочетаются друг с другом на правах однородных, параллельно возникших и бытующих в традиции. Своеобразная слитность героя и его коня заключается в общности их природы. Она же выражается в одновременности рождения этих персонажей. Архетипом подобной их соотнесенности служит зооантропоморфный персонаж. В дальнейшем конь — зооморфный двойник героя, его помощник.

С мифологией связан в своих истоках и мотив испытания различных возможностей персонажа. Если в сказке посредством испытания распознается обладатель магических способностей, то в исследуемом жанре выявляются реальные, хотя иногда и несколько гиперболизированные возможности исторического лица.

В состав преданий рассматриваемого цикла может войти любой из совокупности мотивов проявления необыкновенной физической силы.

Предпосылкой их бытования в этом цикле служат древнейшие представления о вожде, царе как носителе такой силы. Впоследствии они связываются с образом конкретного исторического лица лишь в том случае, если реальные черты прототипа обуславливают возможность такого рода преемственности.

С утратой мифологических представлений о происхождении необычайной физической силы и ее практической роли усилилось внимание к самой личности и ее индивидуальным качествам, что особенно заметно в преданиях XVIII в. Эта индивидуальность, однако, неизбежно выражалась в обусловленных традицией формах и проявлялась прежде всего в возможности соотнесения тех или иных традиционных элементов, взятых в определенном, подчас новом сочетании, с образом конкретного исторического лица.

В мотиве проявления магических способностей, принадлежащем исследуемому циклу, в качестве персонажа-субъекта предстает вождь, царь. Явления, осмысляемые в архаической традиции как следствие магического воздействия, позднее могут получить реалистическое истолкование.

В структуру цикла входит и этиологический мотив, более

характерный для сказок, легенд, быличек. Поскольку субъектом в таком мотиве первоначально выступает чаще великан, его функции переносятся и на эпических героев, сменивших этот мифолого-эпический персонаж и преемственно связанных с ним, а именно: на вождя, царя, впоследствии — на множество реальных персонажей во главе с исторической личностью. Причем нарастающая реалистическая интерпретация мотива не всегда соотносится с фактами. Названный мотив может сочетаться с топонимическим, основанным преимущественно на народной этимологии.

Здесь же бытует и мотив деяний "культурного героя", который фактически перерастает в мотив разносторонней деятельности определенного исторического лица, не исключая реминисценций архаических проявлений. Отбор фактов определяется возможностями освоения их традицией, во многом направляющей и ограничивающей творческий процесс.

Мотив мудрого суда, известный в различных версиях, развился на почве совмещения функций царя и судьи, что характерно для доклассового и раннеклассового общества. В преданиях, сохраняющих архаические элементы, справедливый суд осмысливается как божественное покровительство невинному, в поздних — как проявление житейской мудрости.

Содержанием соответствующих структурных компонентов, находящихся между собой в семантической оппозиции, является пожалование, одаривание подданных и их наказание. Содержание этих мотивов то подтверждается фактами, то противоречит им.

Мотив военного предводительства некогда составлял синкретическое единство с мотивом проявления магических способностей вождем, царем. В процессе сюжетосложения он сочетается с различными структурными компонентами, выработанными в системе циклов о борьбе с внешними врагами, об аборигенах края, о силачах.

Из мотивов, которые в процессе своего развития так и не вышли за рамки мифологии, следует назвать мотив конфликта вождя, царя со сверхъестественными силами (мифическими существами), мотив предсказания будущего историческому лицу, корни которого в древнейших представлениях о времени, о судьбе, осмысленных первобытным сознанием в качестве синкретического

понятия. В мотиве же гибели освещается лишь трагическая, predeterminedная смерть героя, будь то историческое лицо, сидач или "благородный" разбойник. Стыкующийся с ним мотив возвращения того или иного исторического лица генетически связан с персонажем-перерожденцем. В структуру цикла входит и такой "мигрирующий" компонент, как оставление следов своего пребывания в той или иной местности.

Итак, в предания об исторических лицах кроме присущих данному циклу входят и мотивы из иных структурно-тематических групп, открывая своим появлением здесь доступ другим, связанным с ними компонентам. Этот процесс может продолжаться и варьироваться до бесконечности. В образ исторического лица входят элементы как соседствующих, так и предшествующих типологически сходных персонажей. Тем не менее отбор традиционных элементов, формирующих образ, в такой же степени зависит от индивидуальных качеств исторического прототипа, в какой отбор мотивов в предании определяется характером его деятельности. Наполнение традиционных форм реальным содержанием приводит к становлению преданий об исторических лицах в собственном смысле этого слова.

В заключении "О некоторых особенностях сюжетообразования в русской народной исторической прозе" классифицируются действия, которые сводятся к трем семантическим категориям: хозяйственной, военной, жреческой, что соответствует "трехфункциональной теории", выдвинутой Ж. Дюмезилем. Систематизируются и действующие лица. Необозримое количество персонажей сразу же сокращается, как только они выстраиваются в два семантически взаимосвязанных функциональных ряда: с одной стороны, герои божественного или полубожественного происхождения, вожди и маги, предки-родоначальники, первопоселенцы, богатыри и силачи, а с другой - чуждые им персонажи: различного рода тератоморфные существа, разбойники в собственном смысле слова, внешние враги, феодалы.

Первый функциональный ряд генетически восходит к образу божественного предка-родоначальника (позднее вождя, царя), в котором функции положительных персонажей образуют синкретическое единство. При разветвлении этого единства каждая из

функций может фигурировать и сама по себе, давая многочисленные модификации. А предание о вожде, царе отделено от мифа о божественном предке лишь качественным скачком.

Второй функциональный ряд образуют персонажи-антагонисты, прошедшие эволюцию от всевозможных мифических чудовищ до вполне реальных врагов. Распределение функций соответственно персонажам происходит под воздействием универсальной в системе мифа, а затем и предания семантической оппозиции "свой - чужой".

Сохранение в преданиях семантики действия, образов, коллизии, свойственной мифемам, закономерно влечет за собой и известное сохранение тех структур, которые эту семантику определяли. В мифах о божественном предке закладываются и основы организации структурных компонентов. Впоследствии эти мотивы развиваются и, разветвляясь, подвергаются определенной трансформации. Взаимодействие мотивов может быть приравнено к взаимодействию синтаксических категорий на уровне предложений. В то же время нельзя недооценивать и потенциальные возможности мотива к саморазвитию вплоть до образования сюжета либо пучка сюжетов. Осознание мотивировки действия послужило одним из важнейших элементов сюжета. Однако фильтр традиции и условностей становящегося жанра нужно учитывать и при изучении сюжетообразования преданий.

Диссертация защищена по опубликованной монографии "Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры". Л.: Наука, 1987. 227 с. 16,73 уч.-изд.л.

Основные положения диссертации отражены и развиты в следующих работах:

1. О современном состоянии поморских преданий // Научная конференция по истории и литературе Советской Карелии... Тез. докл. Май 1970. Петрозаводск, 1970. С. III-III3.

2. Элементы обряда в преданиях о заселении края // Советская этнография. 1973. № 3. С. 125-129.

3. К вопросу о современном состоянии народной исторической прозы (по матер. фольклор. экспедиции в Прионежье 1975 г.) // Тез. докл. на сессии, посвящ. итогам полевых этногр. и антропол. исслед. в 1974-1975 гг. (Май. 1976 г.). Душанбе, 1976. С. 228-230.

4. Историко-этнографическая основа преданий о "закарованных кладах"//Советская этнография. 1977. № 4. С. 105-111.

5. О жанровой специфике преданий и принципах их систематизации//Русский фольклор. Л., 1977. Т. 17. С. 75-84.

6. Слова преданий - летопись живая...//Север. 1977. № 8. С. 86-94 (в соавторстве).

7. Традиции освоения фольклора неписьменных финноязычных народов в творчестве русских писателей//Исслед. финно-угор. языков и литератур в их взаимосвязи с языками и литературами народов СССР: Тез. докл. 27-30 окт. Ужгород, 1977. С. 105.

8. Северные предания: (Беломорско-Обонежский регион)/ Изд. подгот. Н.А. Криничная. Л., 1978. 254 с.

9. К проблеме типологии преданий о заселении и освоении края//Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 23-40.

10. Структура образа чуди в преданиях об аборигенах края (сравнительно-типологический анализ)//Вопросы финно-угроведения: Тез. докл. на XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов. Июль 1979 г. Сыктывкар, 1979. Ч. 2. С. 121.

11. О взаимодействии русской и карельской фольклорных традиций в преданиях о борьбе с внешними врагами: (Из опыта структурно-типол. изучения фольклорных связей)//Отражение межэтнических процессов в устной прозе. М., 1979. С. 80-100.

12. К вопросу о взаимодействии русской и карельской фольклорных традиций...//К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979. С. 132-140.

13. Историко-этнографическая основа преданий о "панах"// Советская этнография. 1980. № 1. С. 117-128.

14. Предания о борьбе с внешними врагами (генезис и структура)//Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1980. С. 4-21.

15. Предания об аборигенах края (о мифологизме раннеисторических представлений)//Русский фольклор. Л., 1981. Т. 20. С. 45-61.

16. Местные особенности народной исторической прозы Карелии//Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии: Тез. докл. Петрозаводск, 1981. С. 39-40.

17. О роли охотничьих представлений в формировании образа силача в преданиях//Природа и хозяйство Севера. Мурманск,

1981. Вып. 9. С. 81-85.

18. Мотив и функция: К вопросу о структуре и генезисе предания//Симпозиум - 82. Финско-советский симпозиум по прибалтийско-финской филологии 30.8-2.9. 1982: Тез. докл. Ювяскюля, 1982. С. 100-103 (на фин. яз.).

19. Отражение тотемно-мифологических представлений в народной исторической прозе (к вопросу о структуре и генезисе предания)//Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1983. С. 4-22.

20. Мордовские мифы и предания//Пуналиппу. 1983. № II. С. II4-II7 (на фин. яз.).

21. Предания открывают занавес прошлого//Пуналиппу. 1983. № 12. С. 91-95 (на фин. яз.).

22. Эпические произведения о принесении строительной жертвы//Фольклор и этнография. Л., 1984. С. 154-162.

23. Элементы этнического происхождения в "родословной" эпического героя//Всероссийская сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982-1983 гг.: Тез. докл. Черновцы, 1984. С. 312-313.

24. Мотив реинкарнации в преданиях народов уральской языковой семьи (сравнительно-типологический анализ)//Шестой международный конгресс финно-угроведов. Сыктывкар, 1985. Т. 3. С. 32 (на нем. яз.).

25. О методике собирания преданий//Русский фольклор. 1985. Т. 23. С. 107-109.

26. Звонкая слава//Вокруг света. 1986. № 9. С. 46-48 (в соавторстве).

27. К семантике образа девы-лососа в карело-финском эпосе//"Калевала" - памятник мировой культуры. Петрозаводск, 1986. С. 89-93.

28. Концепция архетипа и проблемы преемственности образов в системе мифа и предания//Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 4-24.

29. Корреляция архетипов индивида, коллектива и природы в мифологии. Петрозаводск, 1986. 41 с.

30. Предание в контексте эпического творчества//Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1987. С. 4-18.

31. Инмар, Вукузё и другие//Молот. 1987. № 3. С. 50-52 (на удмурт. яз.).

32. Мотив происхождения эпического героя (сравнительно-типологический анализ)//ХУП Всесоюзная финно-угорская конференция: Тез. докл. . Ижевск, 1987. Ч. 2. С. 256-258.

33. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., 1988. 192 с.

34. Предания об Иване Лобанове (к проблеме становления фольклорного образа)//Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 122-127.

35. К проблеме структуры фольклорного вербального текста (теоретический аспект)//Фольклор: проблемы сохранения, изучения и пропаганды. Всесоюзная научно-практическая конференция. 25-28/IV: Тез. докл. М., 1988. Ч. I. С. 81-82.

36. Медный вершник: Сказы о Петре Первом. Петрозаводск, 1988. 158 с. (в соавторстве).

37. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры//Демос. Берлин, 1989/2. Вып. 29. № 163. С. 136 (на нем. яз.).

38. Концепция происхождения человека (по данным мифологии, фольклора и ранних философско-медицинских учений)//Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1989. С. 4-21.

39. Мотив реинкарнации в преданиях народов уральской языковой семьи//Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М., 1989. Т. I. С. 337-339.

40. Легенды. Предания. Бывальщины/Сост., подгот. текстов, вступ. статья и примеч. Н.А. Криничной. М., 1989. 287 с.

41. Современные предания о силачах-рабочих//Фольклор Урала. Свердловск, 1989. С. 59-66.

42. Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий. Петрозаводск, 1990. 28 с.

43. Севернорусские предания: реальность и традиции (к семантике фольклорного образа)//Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тез. докл. Сыктывкар, 1990. Ч. I. С. 43-44.

Н. Криничная